

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

НА СКРЕЩЕНЬЕ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ...

* * *

Он бредёт по бездорожью,
Звать его Иван-дурак.
На челе — отметка Божья,
А на теле — Божий знак.

Зимний ветер студит груди,
Рвёт позёмка волоса.
А навстречу злые люди —
Злостью полные глаза.

— Что напялил эти тряпки,
Даже водкой не согрет?
Надо б дать ему по шапке...
У него и шапки нет...

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор 22 поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала "Новая Немига литературная". Почётный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии.

Что ответишь?.. Злые взгляды,
Злая щерится зима.
Только жалости не надо,
Жалость — это, как чума.

Снег метёт... Собака лает.
И с небес неясный гул.
Но дурак чего-то знает,
Что-то Бог ему шепнул.

И бредёт по буеракам,
Вот уже который век,
Этот самый... С Божьим зна́ком...
С Божьим зна́ком человек...

* * *

Не умею сказать по-французски
Ни “природа”, ни “блузка”, ни “лес”...
У французенок яркие блузки,
Видел всяких — и в блузках, и без...

Всё блуждается в том, полудетском
Воспрятье... Что Бог триедин,
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь “камарад” и “капут”!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: “Ура!” — и поймут...

* * *

Позовите меня—
Я приду... И скажу... И запла́чу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
Эту скользкую, мокрую сдачу,
Пусть содвинут стаканы,
Портвейном желудки черня.
И пойдёт разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют...
Будет вечер пустой
Мировой пустотою увенчан,
Мрачно выпьют и снова
Торопко и мрачно нальют...
И, отспорив своё,
Не поверят ответному слову.

И почувствуешь:
Злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
“Уходи подобру-поздорову...”
Опрокинет бутылъ:
“Уходи поскорей, уходи...”
Покачнётся и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А всё этот... Заезжий...
Ату его, ёшкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдёшь вдоль оврага,
Пойдёшь...
А вокруг — никого...
Лишь голодный и брошенный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: “Иди...”
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

* * *

Гулко и нервно гудят камыши,
В небе — на сером! — сквозная прореха.
Не разрешать тебе... не разреши
Чёрной тоски и ненужного смеха.

Птицы... От птиц в проводах не искрит,
Нерв оголённый — как в камере пыток...
Сколько же было в судьбе Маргарит!..
Сколько осталось в душе маргариток?..

Все они сплыли, душа и дразня,
Вызвав любовью своей иллюзорной
Чёрную ночь среди белого дня,
Белый просвет среди роздыми чёрной...

Как всё закончилось!.. Как обожгло!..
Как о прошедшем завывали собаки!..
Чёрная птица встаёт на крыло,
А провода всё искрят в полумраке.

* * *

Что-то скрипнет сверху...
Промелькнёт суетливая галка,
и гусиное пёрышко
над головой проплывёт.
Быстро август проходит...
Мне августа нынче не жалко —
пусть скорее минуют
и август, и лето, и год...

Может, просто устал?..
И тоска забродила по венам...
Может, чуть не хватило
касания ласковых рук?..
Только вдруг обожгло...
О мучительном и сокровенном
вдруг захочешь кричать —
неожиданно... Истово... Вдруг...

И слова не нужны —
разве бренность опишешь словами?
Да и кто их услышит —
напрасные эти слова,
если август — на склоне,
тяжёлое солнце — над нами,
и о чём-то унылом
прощально скрипят деревья?

Всё труднее ступать —
и здоровье, и лето на склоне.
И всё чудится — прежде
был август слегка голубей...
Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
на узкой ладони твоей....

* * *

Позабыть обо всём,
что в беспамятстве явью казалось,
позабыть обо всем, что царапало душу порой.
Я усталость гоню...
Только снова приходит усталость...
И устало мерцает
сквозь облако луч золотой.
Коченеет ладонь...
О себе говорить не пристало...
Всё слежу, как на свечке
колеблется узкий огонь.
То почти оживёт...
То внезапно поникнет устало.
А ладонь поднесёшь —
всё равно коченеет ладонь.
Как болит синева!..
И любимая — нет, не со мною...
Эти полунамёки,
где только печаль — наяву.
Синеву женских глаз неспроста
нарекли синевою —
синевою упиться...
И снова нырнуть в синеву...
Только там, в синеве,
заскоружными чувствами тая,
понимаешь, как вольно пичуге в дали заревой...
По взъерошенной сини
слезинка сползёт золотая,
чтобы в синь обратиться...

и стать золотой синевой...
А когда закричит —
на скрещенье любви и печали, —
сероглазая птаха, безвольно смежая крыла,
ты пройдёшь стороной...
И меня ты признаешь едва ли...
Но в душе отзовется,
что боль стороною прошла...